

Лантух Н.

РЕКА КАК САКРАЛЬНАЯ ГРАНИЦА РУССКОГО МИРА.

Описание национальных образов мира, “концептосферы национального языка” (Лихачев 1997: 280), которая соотносима со всей культурой нации, с её историческим опытом и религией, остаётся актуальной проблемой лингвокультурологии, этнолингвистики и других смежных наук.

Необходимость реконструкции “возможной русской космогонии, русского Олимпа и Пантеона, набора “божеств” - образов - символов, архетипов в ней” диктуется, по мнению Г. Гачева, отсутствием целостной русской космогонической эпопеи, дающей чёткое представление о структуре мира и приоритетах бытия, и задачей описания иерархии ценностей и ориентиров, с которой во глубине души сверяется русский человек в своём поведении и мышлении (Гачев 1988: 179).

На стыке смежных гуманитарных наук идет активная разработка проблемы русской национальной модели мира, описание её фрагментов, единиц концептосферы русской культуры.

В данной статье предпринимается попытка показать значимость концепта “река” в реализации сакральной граничной функции в пределах русского этнокультурного пространства.

В русской космогонии вода является важнейшей из стихий: “Россия - Мать - сыра земля, то есть “водо- земля” по составу стихий” (Гачев 1991: 142). Соответственно река как ипостась воды в национальной картине мира имеет особый статус.

Издrevле славяне поклонялись рекам, считали, что они текут в конец Белого Света и связывают его с тем Светом. Река - это не только граница между мирами, это и дорога в иной мир, и множество обрядов было связано с этой идеей. Славяне обожествляли реки и почитали водные мифические существа. Об этом свидетельствовали Прокопий Кессарийский (6 век), Лев Диякон (10 век), Григорий Богослов (11 век) (СМ 1995: 333).

Особо уважительное, любовное отношение к реке русских Владимир Чивилихин объясняет тем, что история русского народа неразрывно связана с реками. На реках располагались древнейшие поселения, первые русские города все без исключения обосновались также на реках. Все сферы жизни наших предков были связаны с рекой: она кормила, была торговым путём, приносила доходы от пошлин, взимаемых с иноземных купцов, защищала от врагов, так как именно у водных преград возводились системы крепостей, а также была обожествленной, олицетворенной сущностью, которая копила и хранила духовные богатства народа.

Опираясь на утверждение словацкого учёного Павла Шафарика, что в праславянском языке река называлась “руса” (“rusa”), Владимир Чивилихин делает следующий вывод: “Если “руса” - это “река” - извечное место поселений наших предков, с которой всегда был так тесно связан их образ жизни и верования, “рус” - праславянский корень, образовавший такое большое гнездо слов только в русском языке, Рус - уже полузабытое мифическое днепровское божество, то обобщённый этноним “русы” или “руссы” - издревле значило “живущие на реках”, “жители рек”, “речной народ” (Чивилихин 1982: 465).

В качестве ещё одного аргумента в пользу “речной” этимологии слова “русы” Владимир Чивилихин приводит публикацию профессора Ф.И. Кнауэра “О происхождении имени народа Русь”, в которой исследователь в результате скрупулёзного филологического анализа доказывает тождество упоминавшейся в древнеиндийских гимнах “Ригведы” мифической реки Rasa - “великой матери”, также реки Raṅha из священной книги древних персов “Авесты” и Raḥa, отделявшей Европу от Азии у более поздних персов, с древним названием Волги – Ра. Это название обрело впоследствии такие формы, как Рос у греков и арабов, Рось, Русь, Роса, Руса у славян. Этими топонимами были названы многочисленные северо-западные реки на новых местах расселения народа, вышедшего в глубокой древности с Волги (Чивилихин 1982: 467). Профессор Ф.И. Кнауэр приходит к выводу, что “... имя народа “рус” чисто славянского происхождения” и “в точной передаче слова означает не что иное, как “приволжский народ” (цит. по Чивилихин 1982: 467).

Обе приведенные В. Чивилихиным гипотезы по существу не противоречат друг другу, предполагают “речную” этимологию этнонима “русы”.

Высокий сакральный статус реки в русском национальном космосе, глобальность её функций и значений в языковой картине мира, плотная концентрация в этом образе этнически ценностной информации могут служить доказательством в пользу “речной” этимологии слова “руссы” и позволяют говорить о реке как об архетипе - древнейшем изначальном типе, универсальном, всеобщем образе коллективного бессознательного русского этноса. Река - один из наиболее ёмких и многозначных фольклорных образов. Но всё же главное его значение - граница, граница между своей землёй и чужой, между миром живых и миром мёртвых. С этой идеей связано множество обрядов, культовых действий, совершаемых нашими предками на реках.

В древнейшем памятнике “Велесовой книге” реализуются обе граничные функции реки - естественной пространственной границы и сакральной.

“ И вот Германорех отступил,
и готы ушли за малую Калку
и утекли к берегу Моря. И так
земля освободилась до Дона и
по ту сторону Дона-реки.
И это Калка великая - есть
граница между нами и
прочими племенами.”

(Велесова книга 1993: 290).

Река Ра - прародительница русских - имеет в “Велесовой книге” величайший сакральный статус: она не только граница между Этим светом и Тем, но и само Время, текущее в Вечность.

Пространственная граница: “В те времена Ра-река была границей с иными землями...” (Велесова книга 1993: 260).

“...от Ра-реки до Непры роды управлялись родичами и вечем” (Велесова книга 1993: 289).

Сакральная граница между земным миром и небесным:

“Сюда ты придёшь,
и тут же служитель
ворота откроет, и
пустит сюда -,
в прекрасный Ирий.
Течёт Ра-река там,
та, что разделяет небесную
Сваргу и Явь.”
Воплощённое Время - граница:
“И тогда приходили мы к синей
реке, стремительной, как время,
а время не вечно для нас, и там
видели прашуров своих и матерей,

которые пашут на Сварге, и там ста-
да свои пасут, и снопы свивают,
и нет там ни гуннов, ни эллинов,
и княжит там Правь. И Правь эта
истинная, так как Навь совлечена
ниже Яви...”

(Велесова книга 1993:262).

Древние руссы считали, что мир составляют три основные субстанции: Явь, Навь и Правь. Явь - это видимый, материальный, реальный мир. Навь - это мир нематериальный, потусторонний мир мертвецов, духов. Ра - река – это граница между Явью и Навью. За ней - духовный мир, мир умерших прародителей и богов. Правь - это истина или законы верховного бога Сварога, управляющие всем миром.

После смерти душа человека переходила из Яви в Навь и после некоторых странствий попадала в Ирий - Рай, где жил Сварог, Сварожичи и предки руссов. (Лесной 1964: 279).

Ра - река – это и есть огненная река русских народных сказок, которую охраняют драконы и горные великаны. Она выполняет ту же функцию - отделяет Эту свет от Того света. По древнерусским космологическим представлениям, огненная река лежит в основе мироздания, её появление относится к эпохе сотворения мира. Она имеет космические масштабы, достигая в высоту неба, а в глубину – бездны (СМ 1995: 283). С Ра- рекой и огненной рекой соотносится сказочная река Смородина, название которой родственно словам “смерть”, “мор”. Смородина также граница между живым и мёртвым царствами.

А. Асов выдвигает гипотезу о географической локализации сказочной реки Смородины, которую он соотносит с Ра- рекой и Доном и располагает на месте нынешнего Керченского пролива. Для подтверждения своей гипотезы он приводит ряд аргументов, основанных на славянской и греческой мифологии (Асов 1994: 19). Смородине в русском фольклоре соответствует Дон. В народных песнях герой – смертельно раненный воин – просит перевозчика (славянского Харона) перевезти его на другую сторону, где его похоронят (Асов 1994: 18).

Функцию пограничной реки, реки смерти выполняет и мифическая “забытная река”, или “Забыть- река”. По поверьям Вологодского края, на 40-й день после смерти человек переходит через “Забыть - река” и забывает всё, что с ним было на земле (СМ 1995: 333).

Системой рек обозначены границы русской земли в “Слове о полку Игореве”. Это - Дунай, Донец, Сула, Рось, Двина, Волга, Каяла, Немига, Стугна. Эти реки олицетворены, они могут быть милостивы к русским или враждебны. Фиксируя границы, эти реки несут положительный или отрицательный заряд в зависимости от того, чьи границы они обозначают и закрепляют – русские или половецкие.

Так, Дон – русская река, граница русского пространства, а Каяла – “река половецкая”.

“На реке на Каяле тьма свет покрыла – по русской земле простёрлись половцы...” (Слово 1981: 102).

Немига также враждебная русским река – река Смерти:

“У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны –
посеяны костями русских сынов”
(Слово 1981: 108)

Печальной границей стали реки Рось и Сула: “... по Роси и по Суле города поделили”. (Слово 1981: 106). Одним из центральных образов славянского космологического сознания является река Дунай. Семантические характеристики этого образа содержатся в самых разных фольклорных жанрах, в том числе и в “Слове о полку Игореве”. Д.А. Мачинский отмечает: “Чрезвычайно тесная связь всей хозяйственной жизни славян с реками, широко распространённое среди них почитание и олицетворение рек и источников не могли не привести при выходе славян на берега Дуная к сакрализации образа величественной, невиданных размеров пограничной реки, к которой “вся благая сходятся” (Мачинский 1981:134).

Являясь исходной родиной для славян, их главной рекой, с которой связаны важнейшие исторические события, Дунай остался в народной памяти как центр, притягивающий к себе все остальные реки, а также как главный рубеж, за которым лежит земля, обильная богатством, но и чреватая опасностями; рубеж благодатной земли (СМ 1995: 172). Дунай – граница, за которой богатство, опасность и смерть. Связь Дуная со смертью прослеживается в песенном фольклоре, где достаточно частый мотив – смерть молодца “за Дунаем”. Д.А. Мачинский, исследуя семантическое поле лексемы “Дунай” в русском фольклоре, отмечает, что частый мотив смерти “за Дунаем” в сочетании с мотивом переправы через Дунай позволяет говорить об отдельной теме “Дунай – граница между своим и чужим миром” (Мачинский 1981: 156), что яркая сакрализация Дуная как реки, отделяющей этот мир от того, также имеет место в украинских песнях (Мачинский 1981: 143). В былинах Дунай – пограничная река, река- рубеж с опасной переправой. В былинах “Изгнание Батыги” обиженные Владимиром богатыри находятся за Дунай- рекой, то есть как бы за границей Русской земли, а когда по уговору Ильи возвращаются в Киев, то перескакивают через Дунай (Мачинский 1981: 151). В сознании русских часто смешиваются образы Дуная и Дона, оба названия замещают друг друга в песнях и былинах, употребляются как синонимы или обозначают большую реку вообще. Исследователь Д.А. Мачинский объясняет это слияние образов двух рек сходством исторических ситуаций, при которых эти великие реки вошли в историю восточных славян (Мачинский 1981: 137). Можно добавить – и единством сакральных функций в жизни народа.

Анализ различных реализаций сакрального статуса моря и реки в русском фольклоре позволяет сделать вывод, что водное пространство (река, море, источник) в русской национальной картине мира – это граница между “этим” и “тем” светом, что это опасное чужое пространство, принадлежащее потусторонним силам (СМ 1995: 97). Реки и моря русского мифотического пространства делятся на две категории – имеющие чёткую географическую локализацию и не имеющие её (“море-Океан”, река Смородина, “Дунай”).

Также необходимо отметить огромную мировоззренческую роль образов моря и реки в русском космосе, где на первое место выдвигаются их пограничные, рубежные функции.

Почитание славянами стихий – прежде всего воды (источников, озёр, рек), поклонение рекам, нимфам - неоднократно подтверждается в историко-литературных памятниках Древней Руси. Водяной культ составлял важнейшую черту народной веры наших предков, обращавшихся к стихиям, непосредственно к самой природе. Эта линия древних верований оказалась наиболее устойчивой и прослеживается в мировоззрении русских крестьян вплоть до XIX - XX вв.: “особенность верований крестьян - это почитание “живых” стихий, прежде всего земли” в соединении с водой” (Власова 1995: 9).

Отношение к воде как к “живой” сохраняется и в наше время в некоторых местах на севере России : существует запрет ходить после захода солнца по воде, что “вода спит-отдыхает” и её “нельзя будить” (Власова 1995: 10). М. Власова отмечает, что вода в разнообразных состояниях - вода рек, озёр, дождевая, ключевая - играет особую роль в повседневной жизни и больших календарных праздниках крестьян XIX - XX веков (Власова 1995 : 10). Особое внимание уделялось рекам, отмечались все особенности их

“поведения”, время вскрытия, сроки половодья, на основе определённых признаков делались прогнозы относительно погоды, сенокоса, урожая, предсказания стихийных бедствий, пожаров, болезней и смертей.

Река, по народным поверьям, как и вообще вода, место концентрации разнообразных сверхъестественных сил, что соответствует её сакральному статусу в традиционной крестьянской культуре. В ней живут черти, русалки, водяной, лихорадки, леший и нечистая сила, которые участвуют в кругообороте природы, являясь её частью. Так, наступление весны празднуют и леший, и водяной, которому крестьяне, чтобы заручиться благоволением, по вскрытии реки приносили жертву, чаще всего лошадь (Власова 1995 :12). Связанный с календарным, лунным и особенно суточным ритмами, водяной опасен в Иванов, Петров, Ильин дни, детей в это время не пускают купаться. Отголоски этих верований в трансформированных формах живы и в настоящее время. Так, моя бабушка на Кубани аргументировала свой запрет на купание в реке в Ильин день следующим образом: “Бильше купаться нельзя: Илья в воду настяв”.

М. Власова, автор словаря русских суеверий, считает, что “при почти полном разрушении в XX в. традиционного уклада, быта русской деревни ... многие верования, связанные с областью низшей демонологии, всё же бытуют в деревне и сейчас, сохраняя свой самый общий абрис...”, что массовое сознание конца XX века выстраивает свою “картину мира”, ориентируясь и на традиционные образы поверий (Власова 1995: 29, 30).

Это мнение справедливо, на наш взгляд, и по отношению к мифологеме “река” как к архетипическому образу русского этнического сознания, который в глубинной своей структуре сохраняет важнейшие свойства этой мифологемы - сакральность и граничность.

Литература:

- Асов А. Космопорт птицы Гамаюн // Наука и религия.–1994– №4.–С.18-20.
Велесова книга // Мифы древних славян. Велесова книга .- Саратов: “Надежда”, 1993.–С.252 - 307.
Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. - Спб.: Северо-Запад, 1995.
Гачев Г. Национальные образы мира.-М.: 1988г.
Гачев Г. Русская Дума. - М.: Новости. 1991.
Лесной С. Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси - Виннипег, 1964.
Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. -М.: Academia, 1997.–С.280 - 287.
Мачинский Д.А. “Дунай” русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии //Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. - Л.: Наука, 1981.–С.110-171.
Славянская мифология. Энциклопедический словарь. - М.: Эллис Лак, 1995. (СМ).
Слова о полку Игореве. - М.: Прогресс. 1981.
Чивилихин В.А. Память: Роман - эссе. - М.: Современник, 1982.